

Свет погас, финальная нота из саундтрека эхом разнеслась по пустым съемочным площадкам. Лукас тяжело опустился в кресло, дневная усталость поселилась в его костях. Его разум воспроизвел финальную сцену, отчаянную мольбу Арона о выживании, грубым эхом отдавшуюся в его памяти. Внезапно зазвонил телефон, возвращая его к реальности.

Это была Лайза, ее голос дрожал от волнения. "Я только что видела пилотный эпизод! Ты был ..." ее слова перекрывали друг друга, переполненные фанатским обожанием. Лукас усмехнулся, наслаждаясь ее энтузиазмом. Некоторое время он спокойно разговаривал по телефону, наслаждаясь оценкой своей работы.

Они болтали, казалось, часами, смеясь и предаваясь воспоминаниям, прежде чем звонок закончился. Затем, когда тишина грозила снова установиться, телефонный звонок вернул его к реальности. Это был Пол, его голос был теплым от искренней похвалы.

"Мне понравилось твое выступление в роли Дилана, Лукас", - прогремел Пол. "Лучшего варианта и придумать было нельзя".

Улыбка Лукаса стала шире, усталые морщинки вокруг его глаз наполнились неподдельной теплотой. Он пробормотал "Спасибо", благодарность застряла у него в горле. Он знал, с сердцем, полным тихой убежденности, что без первоначального скачка веры Пола в то, что он даст ему возможность сыграть роль Дилана, ничего этого не произошло бы. Никакого восторженного рекомендательного письма Кристофера Ллойда, никаких связей с артистами-новаторами и, конечно, никакого изнурительного, но волнующего образа Арона Ралстона в "127 часах". Пол был первой костяшкой домино, запустившей цепную реакцию, которая привела его сюда, в этот сырой, выжженный солнцем каньон, где он боролся за выживание и вдыхал жизнь в отчаявшуюся душу.

Нынешняя сцена представляла собой вихрь галлюцинаций - Скуби Ду, неоновые вечеринки и горько-сладкий призрак прошлых отношений

. Портативная камера, его единственный спутник в удушливой тишине каньона, ожила.

Лицо Арона, искаженное усталостью и отчаянием, всплыло в поле зрения. Он был человеком, балансирующим на грани здравомыслия, его взгляд был пустым, когда он обдумывал свое затруднительное положение.

Затем произошла сцена, которая навсегда запечатлелась в памяти каждого. Арон, лишенный всего человеческого, цепляется за свой инстинкт самосохранения.

Измощенное лицо Арона заполнило экран, на щетине выступил пот. С его губ сорвался хриплый кашель.

Его взгляд метнулся к CamelBak (рюкзак), спасательному кругу, превращенному в гротескную чашу.

Камера уловила нерешительность, отразившуюся на его лице, дрожь в пальцах.

Он сжал свой пустой резервуар из-под CamelBak, на его лице появилось мрачное осознание. Арон колебался совершенно, в его глазах отражалась мука от стоящего перед ним выбора.

У него вырвался стон, грубый и первобытный.

Он протянул руку, мозолистая подушечка его большого пальца дрожала над раздутым мочевым пузырем.

Арон, человек, балансирующий на грани забвения. На его лице промелькнула нерешительность, внутри него бушевала война. Камера, холодная и немигающая, запечатлела гримасу, искривившую его губы, когда он разогнул ноги, направляя свое тело, как сломанный компас, к потрескавшемуся пластику резервуара для воды CamelBak.

Это была сцена, бросающая вызов границам актерской игры, грубое изображение человеческой уязвимости, которое заставило съемочную группу поежиться и все же приклеиться к экрану.

Само действие было жестоким балетом, в котором отчаяние прослеживалось в каждом вздрагивании. Экран содрогался от борьбы Арона, зловоние было таким же ощутимым, как слезы, наворачивающиеся на его глаза. Это было не представление; это было грубое выживание, пробивающее себе дорогу к существованию.

Сначала Арона поразила вонь, к горлу подступила волна тошноты. Его тошнило, но, движимый волей к выживанию, он сдержался. Нерешительно сделав глоток, он почувствовал резкий вкус. Его лицо исказилось от отвращения, беззвучный крик отразился в гулкой пустоте каньона.

Когда Арон поднес резервуар к губам, съемочная группа затаила дыхание. Зловоние, казалось, пропитало воздух даже из-за монитора.

Лицо Лукаса исказилось в борьбе за выживание с отвращением. Давясь, он заставил себя проглотить это, зажмурив глаза от ужаса.

Съемочная группа наблюдала, завороченная жутким зрелищем. Их желудки скрутило от первобытного отвращения к зрелищу, но их глаза оставались прикованными к экрану. Лукас в роли Арона размыл границы между реальностью и представлением. Его отчаяние, его отвращение - все это было слишком реально. Даже Дэнни, опытный режиссер, не мог оторвать взгляда, болезненное очарование боролось с желчью, подступающей к горлу.

В каньоне повисла тяжелая тишина, когда на мониторе мелькнула финальная сцена. Лукас, все еще сгорбленный, как забытый валун, выдохнул, сам не осознавая, что задерживал дыхание. Съемочная группа вокруг него зашевелилась, глаза остекленели, желудки скрутило. Режиссер Дэнни, всегда стойкий, остался прикованным к своему креслу, похвала кипела под его пристальным взглядом.

"Лукас, - наконец прогрохотал он, его голос был хриплым от неохотного уважения, - это было ... что-то еще. Я и раньше видел, как актеры жуют декорации, но ты, парень, проглотил чертов каньон и выплюнул его сырым."

Тень улыбки промелькнула на губах Лукаса. "Просто пытаюсь оставаться верным Арону".

Дэнни фыркнул. "Правда? Черт возьми, ты пережил это. Я почувствовал это - отчаяние, отвращение, такое настоящее... Я сам чуть не потянулся за пакетом для блевоты".

Он покачал головой, сдержанное восхищение смягчило черты его лица. "Знаешь, на секунду я мог бы поклясться, что ты действительно выпил мочу..."

Лукас усмехнулся, низкий рокот, эхом отозвавшийся в пустоте каньона. "Это мечта актера, не так ли? Заставить зрителей поверить? Втянуть их так глубоко в историю, что они упустят из виду искусственность?"

Дэнни встретился с ним взглядом, в его глазах блеснуло новообретенное уважение. "Так и есть, сынок. И сегодня ты блестяще добился этого. Ты проявил себя исключительно хорошо, влез в шкуру Арона, вдохнул его отчаяние, попробовал его отчаяние на вкус. И ты заставил нас, каждого из нас, попробовать это на вкус. За исключением мочи, я не хочу представлять ее вкус."

Почти все рассмеялись над этим; Лукас также тихо усмехнулся при этих словах.

Дэнни сделал паузу, затем похлопал Лукаса по плечу - жест на удивление нежный для грубоватого режиссера. "Ты, парень, только что написал шедевр мочой и потом".

Лукас не знал, шутит Дэнни или искренне хвалит его; он криво усмехнулся, когда съемочная группа снова рассмеялась, развеивая сцену отчаяния Арона, которая была снята всего минуту назад.

Съемки продолжались до глубокой ночи. После этого Лукас отдохнул и продрог в своей палатке, его тело было измучено актерской работой.

Когда наступило утро, ему позвонили из съемочной группы "Американской семейки" и

предложили контракт на весь сезон. Лукас, очевидно, согласился, но он был по-прежнему очень занят.

Съемочная группа, однако, была готова подождать. Одновременно агенты агентства Innovative Artists, казалось, обратили внимание на Лукаса, поскольку пилотный эпизод "Американской семейки" стал довольно успешным.

Лукас, сыгравший приглашенную роль в пилотном эпизоде, привлек внимание нескольких мелких агентов Innovative Artists. Узнав, что Лукас уже вступил в IA, некоторые начали связываться с ним.

<http://tl.rulate.ru/book/107171/3914928>